

УДК 37.026.8

ОТ «АЗБУКИ» ИВАНА ФЕДОРОВА ДО «РОДНОГО СЛОВА»
КОНСТАНТИНА УШИНСКОГО: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И
МЕТОДИКИ В РУССКИХ БУКВАРНЫХ ИЗДАНИЯХ

Дегтярева И.А.

доцент, преподаватель филологического факультета

МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Шэньчжэн (КНР)

degtirina@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена эволюции восточнославянского и русского букваря как типа учебной книги в период с XVI по XIX век. На материале первопечатных и рукописных азбук (Иван Федоров, Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Василий Бурцов, Карион Истомин, Федор Поликарпов, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, Константин Ушинский) прослеживается переход образовательной парадигмы от символического мышления и духовного познания к рационализму и светской образованности. Особое внимание уделяется сравнению правил включения учебного материала в русских и западноевропейских, южнославянских и греческих грамматических учебниках. В статье обосновывается тезис о том, что русский букварь не являлся простым копированием западных образцов, а представлял собой избирательный синтез: заимствуя буквослагательный метод и частеречную классификацию, он сохранял катехизисную составляющую и постепенно интегрировал в методическую композицию содержательные элементы (раздел «Синтаксис» через «Граматику» Мелетия Смотрицкого) и принципы наглядности (иллюстрированные буквари Кариона Истомина). Отдельно рассматривается прогресс в правилах подачи материала К.Д. Ушинского, который ввел фонематический принцип обучения чтению в практику начальной*

школы и доказал необходимость подготовки учебно-методического комплекта (сопроводительной книги для учителя) в обучении. В статье делается вывод, что букварь на протяжении трех столетий выполнял функции не только учебного пособия, но и культурно-идентифицирующего документа, отражающего смену образовательных парадигм.

Ключевые слова: букварь, азбука, история педагогики, обучение грамоте, буквослагательный метод, церковнославянский язык.

FROM IVAN FEDOROV'S "AZBUKA" TO KONSTANTIN USHINSKY'S
"RODNOY SLOVO": TRANSFORMATION OF CONTENT AND
METHODOLOGY IN RUSSIAN PRIMER PUBLICATIONS

Degtyareva I.A.

Associate Professor, Lecturer, Faculty of Philology

MSU-PPI in Shenzhen

Shenzhen (China)

degtirina@yandex.ru

Annotation. *This article examines the evolution of the East Slavic and Russian primers as a type of textbook from the 16th to the 19th centuries. Using early printed and handwritten alphabet books (by Ivan Fedorov, Lavrenty Zizaniy, Melety Smotritsky, Vasily Burtsov, Karion Istomin, Fyodor Polikarpov, Gavriil Buzhinsky, Feofan Prokopovich, and Konstantin Ushinsky), the article traces the transition in the educational paradigm from symbolic thinking and spiritual knowledge to rationalism and secular education. Particular attention is given to comparisons between the rules for including educational material in Russian and Western European, South Slavic, and Greek grammar textbooks. The article substantiates the thesis that the Russian primer was not a simple copy of Western models, but represented a selective synthesis: while borrowing the syllabic method and parts-of-speech classification, it retained the catechetical component and gradually integrated substantive elements (the "syntax" section through Melety Smotritsky's "Grammar") and principles of visualization (Karion Istomin's illustrated primers) into its methodological composition. The article also examines the progress made in the presentation of K.D. Ushinsky's material,*

which introduced the phonemic principle into primary school reading instruction and demonstrated the need for a teaching aid (a companion book for the teacher) in teaching. The article concludes that, over the course of three centuries, the primer served not only as a teaching aid but also as a culturally identifying document, reflecting shifting educational paradigms.

Keywords: *primer, alphabet, history of pedagogy, literacy teaching, syllabic method, Church Slavonic.*

Введение

Шестнадцатое столетие на Руси стало периодом, когда началась трансформация модели духовно-образовательной традиции. На смену символическому осмыслению реальности приходит логический подход, а религиозное постижение мира уступает место светским формам получения образования. Знание грамоты, умения читать и писать обретают все большую самостоятельную ценность. В сфере книжной культуры этот перелом выразился, в частности, в возникновении ранее не встречавшихся педагогических жанров – как в форме рукописных сводов, так и в печатном исполнении.

Постановка проблемы

Букварь (начальное руководство для освоения грамоты) пришел на смену так называемым «алфавитным листкам» – «азбукам», которые чаще выглядели как список букв и служили в основном для обучения письму. Изначально слово «букварь» означало человека, сведущего в грамоте. Первый типографский экземпляр букваря, выпущенный Иваном Федоровым в 1574 г. и имевший четкую букварную структуру, все еще назывался «Азбука». Тем не менее это издание уже учило чтению на церковнославянском языке, было оформлено как книга (то есть прошито «под корешок») и базировалось на слогослагательном принципе обучения. В нем присутствовали не только отдельные буквенные знаки (греческие и кириллические столбцы), но и слоговые сочетания («склады»), а также гравюры-иллюстрации. Иван Федоров, таким образом, выступил одновременно и в роли печатника, и в роли просветителя-педагога, поскольку в его «Азбуку» вошли начальные сведения по грамматике (система

частей речи, особенно подробно — глагольные формы), правила ударения с наглядными образцами и «кирилловская цифирь» для нумерации примеров. Завершалось пособие отобранными назидательными фрагментами из Священного Писания, которые должны были привить учащемуся (обычно ребенку) начала христианской морали.

Данный труд, выдающийся по своим задачам, построению и полиграфическому решению, не был единственным в своем роде ни для славяно-христианского ареала, ни тем более для европейского образовательного континуума. Книга была выпущена на землях, где уже начинала складываться система школ как базовой ступени обучения (первый тираж вышел во Львове, а чуть позже в 1578 г. переиздан в Остроге). Федоровский букварь вобрал в себя опыт нескольких славянских культур, уже имевших устойчивую традицию учебной книжности.

К примеру, исходя из схожести смысловой организации (алфавитная часть, грамматический раздел и обязательный катехизисный блок как подборка текстов для чтения), можно допустить, что Федоров был знаком с букварем познанского печатника Петра Секстилиса (1556 г., *Nauka ku czytaniu Działkam malym pisma polskiego*). Однако корни основополагающего принципа начального обучения — начинать постижение наук с запоминания «алфавитных знаков» — уходят в гораздо более ранние годы. В качестве примера приведем «Глаголический азбуковник» (*Abecedarium glagoliticum*), выпущенный в Венеции в 1528 г. типографами Франческо Биндони и Маффео Пасини. Это издание, предназначенное для хорватского населения, носило прежде всего миссионерский характер. Книга относится к раннему периоду становления печатного дела и представляет собой учебник-молитвослов, в котором за азбукой и слогами следуют литургические тексты и псалтырные отрывки для заучивания. Таким образом, венецианский «Азбуковник» 1528 г. по праву можно считать одной из первых славянских печатных азбук, выполненных в русле католической южнославянской (далматско-хорватской) традиции книжного обучения.

Кириллический алфавит в 1561 г. напечатала типография Примуса Трубера

в Тюбингене. Поначалу это был просто набор типографских листов с буквами, не прошитых в единую книгу. Однако в том же году Трубер выпускает два самостоятельных учебных пособия – Букварь и Катехизис. То, что оба жанра появляются параллельно, а затем сливаются в одном издании, не случайно: подразумевалось, что практика чтения должна неразрывно сочетаться с усвоением ключевых христианских догматов.

Традиция объединять обучение грамоте с нравоучительной дидактикой сохранится в русской букварной традиции вплоть до конца XVIII в. (последним значимым пособием, включавшим разделы «Алфавит», «Грамматика» и «Конфессиональная хрестоматия», станет «Букварь» Феофана Прокоповича 1720 г.). Однако именно федоровское издание XVI века закрепило тот тип учебной книги, в котором были заложены систематические приемы освоения грамоты: букво-слоговой анализ и четкая последовательность изучения слогов и слов. От упомянутых латинских и западнославянских образцов Федоров не заимствовал или копировал логику и методику, а собрал и привел к единообразию в одном печатном тексте наиболее устойчивые элементы начального обучения, характерные в дальнейшем для ряда славянских образовательных традиций, и тем самым утвердил первую цельную модель элементарной грамматики.

Вслед за руководством Ивана Федорова появился печатный труд педагога, богослова, издателя Лаврентия Зизания. Его азбука называлась «Наука к читанью и розуменью писма славенского». В нее входили грамматическая часть с алфавитом, правила слогосочетания, образцы склонений, а также хрестоматийный блок с божественными текстами. Книга вышла в 1596 г. и выдержала около 130 переизданий в первой половине XVII в. Для своей азбуки Зизаний написал «Лексис» – «словарь трудных мест» с пояснениями некоторых слов из Священного Писания (так называемых «глосс», которых насчитывалось более 1060). По мысли автора, такой словарь как приложение к азбуке был необходим, чтобы разъяснять ученикам новые понятия и сведения об окружающем мире. В этом начинании Зизаний опирался на опыт Франциска

Скорины (издание «Пражская Библия» 1517 г., в котором философ-гуманист сопровождал библейские главы краткими пояснениями), а также на латинские и греческие первопечатные словари (например, широко известный в XVI в. *Dictionarium* Амброзио Калепино, изданный в 1502 г.). «Лексис» Зизания носил преимущественно обучающий характер: все глоссы были лингвистически упорядочены – приведены гнезда однокоренных слов, что позволяло изучать словообразование. Отмечается также обращение к принципам организации материала и грамматической терминологии как греческо-церковнославянской грамматике, составленной во Львове в 1588 г. («Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанию многоименитому российскому роду»).

В 1618 г. появляется очередное руководство по освоению грамоты, творчески переосмыслившее содержание предшествующих азбук-букварей. Оно получило название «Букварь языка славенска писаний чтения оучитися хотящим в полезное руковожение». С большой вероятностью его автором можно считать полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого – педагога и ученого-богослова. Небольшой «карманный» формат (52 страницы) позволяет предположить, что пособие задумывалось как грамматический справочник. Грамматике была отведена почти половина книги, тогда как первый раздел, как и прежде, содержал алфавит и правила слогового сложения. Во вступительной части («Дописи») Смотрицкий прямо указывает, что строит свой труд «по греческому образцу», включая в него разделы «Орфография», «Части речи», синтаксис и просодию. Этот принцип продолжает традицию, восходящую к работам Дионисия Фракийского («Техника» / «Τέχνη», III–II вв. до н.э.) и позднегреческих грамматиков, закрепивших классификацию частей речи (имя существительное, имя прилагательное, местоимение, наречие и отдельно глагол).

Результаты исследования

Краткий обзор первых главных восточнославянских учебников грамоты показывает, что послоговое чтение («по складам») было основой овладения церковнославянским языком той эпохи (и сохранялось до реформы начального

образования в 20-е гг. XVIII в.). Во многом это объяснялось самой структурой церковнославянского языка: под буквенным слогом понималось сочетание одного или нескольких согласных знаков с гласным (либо один гласный), причем звуко-буквенный слог не мог заканчиваться на согласную букву (соответственно, на согласный звук). Сначала ученик, уже выучивший буквы, должен был произнести названия букв в слого, а затем – все сочетание целиком. Например, слог ГА следовало читать как «глагол-аз-га». После освоения двух- и трехбуквенных слогов можно было переходить к чтению слов и затем целых текстов.

Дальнейшее развитие восточнославянского букваря пошло по пути структурно-тематического усложнения. Наглядный пример – знаменитое издание «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания» московского печатника Василия Федоровича Бурцова, выпущенное на Московском печатном дворе в 1634 г. Хотя азбука Бурцова во многом повторяет федоровскую и по содержанию, и по композиции, она включает самостоятельные грамматические разделы: объяснение синтаксических явлений и перечень знаков препинания. Кроме того, здесь присутствуют попытка унификации написания русских слов, авторское предисловие и послесловие, первое обращение не только к катехизисному жанру, но и к светской тематике (стихотворение о пользе учения и необходимости послушания), а также использование черного и красного цветов в начальных строках – все это иллюстрирует значительную эволюцию жанра букваря как учебника. По «бурцовой азбуке» обучались дети всех сословий, включая царевича Алексея Михайловича, а также иностранцы, желавшие овладеть русским языком.

Задача нашего исследования – проследить преемственность между русскими букварями и славянскими, греческими и латинскими пособиями по обучению грамоте. Анализ первых букварных изданий показал, что композиционно и методически они отталкивались от принципов европейских грамматик и весьма успешно их развивали: слого-буквенное чтение, представление о частях речи, дидактика через воспитательные тексты

религиозного содержания. Остается выяснить причину, по которой Василий Бурцов обратился к разделу, традиционно не рассматривавшемуся в европейских учебных книгах, а именно – к синтаксису.

В европейских школах на протяжении многих веков базовым учебником латинской грамматики был *Donatus (Ars) minor* – краткое пособие Элия Доната (IV век), следовавший правилам александрийских грамматистов во главе с Аполлоном Дисколом. Трактат был посвящен морфологии: определялось число частей речи, перечислялись и описывались ключевые категории (например, род, число, время для глагола). Синтаксис появился у Доната позднее – в *Donatus (Ars) maior*. *Ars minor* и *Ars maior* пользовались всеобщей известностью в Средние века и эпоху Возрождения, легли в основу школьного и монастырского образования, стали предметом толкований и анализа. *Ars maior* делится на две части: первая продолжает морфологию, а вторая затрагивает фигуры речи, риторику и элементы синтаксиса, включая правила сочетаемости слов. Однако даже там синтаксис не выделен как самостоятельный раздел в современном понимании. Таким образом, Бурцов мог заимствовать идею о том, что полное описание грамматики подразумевает описание законов порядка слов в предложении, не напрямую из западной традиции, а через восточнославянского посредника. Таким источником могла быть полная грамматика с синтаксисом – в славянском мире это «Грамматика славенския правильное синтагма» Смотрицкого, в которой синтаксис (синтагма) является одной из четырех композиционных частей (наряду с орфографией, этимологией и просодией). Вероятно, Бурцов адаптировал для азбуки синтаксический раздел из грамматики Мелетия Смотрицкого, сократив его до минимума, но сохранив саму идею включения синтаксиса в начальное обучение.

Новым этапом эволюции букваря как учебного пособия стало добавление иллюстраций к каждой изучаемой букве – шаг, отразивший не только идеи русского просвещения, но и направление русского искусства петровской эпохи. Иеромонах, ученый, справщик (редактор) Московского печатного двора Карион Истомин, автор букваря, заказанного специально для обучения царевича Алексея

Петровича, полагал, что наглядность детских книг многократно усиливает понимание изложенного материала. Подготавливая рукописный учебник для венценосного ученика, Истомин распорядился создавать иллюстрации к нему лучшим московским миниатюристами. Вслед за рукописным букварем в 1694 г. Истомин печатает первый отечественный цельногравированный букварь (с оттиснутыми текстом и картинкой с одной доски), содержащий более 400 иллюстраций на 44 листах. Каждый лист был посвящен одной букве церковнославянского алфавита, каждую букву поясняли несколько рисунков предметов, начинающихся на эту букву, и легко запоминающиеся нравоучительные стихи.

Заметным явлением начала XVIII века стал трехязычный «Букварь словенскими, греческими, римскими письмены учиться хотящим и любомудрие в пользу душеспасительную обрести тщаясь» 1701 г., составленный начальником Московского печатного двора, участником организации Петербургского печатного двора, редактором первой русской печатной газеты «Ведомости» Федором Поликарповым. В предисловии к букварю («Благочестивому читателю о правильном обучении чинного чтения и писания») Поликарпов дает советы ученику, которые по сути являются методическими рекомендациями по освоению грамоты. Наряду с традиционным делением материала (буквы – склады – слова на славянском, греческом и латинском языках – тексты в виде молитв, заповедей, статей и стихов религиозно-нравоучительного содержания) в букварь впервые был включен учебный трехязычный словарь «О училище и о книгах» с пояснениями и переводом слов на греческий и латинский языки (например, давались разъяснения слов «школа», «академия», «книга», «хроника» и т.п.). Впоследствии именно это пособие послужило образцом для создания многочисленных переводных многоязычных словарей.

Гавриилу Бужинскому – проповеднику, переводчику, библиофилу – принадлежит составление одного из самых известных книжных педагогических памятников петровского времени: «Юности честное зеркало, или Показание к

житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Книга предназначалась для образования и воспитания юношей дворянского происхождения и состояла из трех частей: новой гражданской азбуки, правил домашнего и общественного поведения для молодежи и нравоучительных назидательных повествований. Азбука (по сути букварь) впервые включала алфавит гражданского шрифта, введенного Петром I в 1708 г., при этом «Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных» приводилось на одной странице (каждая буква писалась в строку разными шрифтами). Такой принцип позволял удобно сопоставлять общепринятые начертания с новыми и, если кому-то из учеников нужно было переучить шрифт, сделать это без труда.

Помимо алфавитной азбуки, «Юности честное зеркало...» содержало упражнения для чтения, нравоучительные тексты и раздел для обучения арабским цифрам. Заключительные части представляли собой сборник правил хорошего тона и рассказов о добродетельном поведении в обществе. Книга имела огромную аудиторию и переиздавалась вплоть до конца XIX в.

В XVIII веке развитие отечественной букваристики определялось усилением секуляризации российского общества в результате петровских реформ. Итогом реформирования образования стало создание государственной светской школы с обучением чтению и письму на русском (родном) языке, и именно для этих целей в 1720 г. был написан «Букварь, или Первое учение отроком с Катехизисом». Автором этого самого популярного в дальнейшем учебного пособия России XVIII в. был сподвижник Петра I, идейный вдохновитель его преобразований, епископ Псковский, архиепископ Новгородский, ученый, выпускник и впоследствии ректор Киево-Могилянской академии Феофан (Елеазар) Прокопович. Будучи педагогом, искренне заботившимся о чистоте духа и высокой морали юношества, Прокопович считал, что суть образования не в том, чтобы просто научить детей читать и писать, но в том, чтобы дать правильное добропорядочное воспитание: «Каков кто отрок есть, таков и муж будет». Новшеством букваря-катехизиса стало дополнение

псалмов и молитв толкованием. Толкования (тексты-объяснения) не предполагали обязательного заучивания наизусть; для Феофана Прокоповича было важно, чтобы дети овладевали осмысленным чтением, ведущим к максимально полному пониманию содержания. В своем букваре Прокопович предпринимает попытку разрушить царившую в начальной школе «зубрежку» и уйти от неосмысленного, механического запоминания. Кроме того, он обращается к самостоятельному мышлению учеников, предлагая в качестве упражнений аргументированную критику отдельных религиозных заблуждений. Например, в части «Краткое толкование законного десятисловия» основное внимание сосредоточено на объяснении основ религиозного учения, включая критику некоторых суеверий, а также на разъяснении значения просвещения, что, безусловно, значительно облегчало обучение. Таким образом, Феофан Прокопович разработал новую методическую модель подачи катехизиса (текста религиозного содержания).

Букварь Феофана Прокоповича пользовался большой популярностью и за рубежом: только в Сербии он издавался 7 раз с 1726 по 1774 гг. Его переводили на немецкий, английский и румынский языки, а в России букварь-катехизис переиздавался до середины XIX в.

К концу XVIII в. жанр букваря как комплексной учебной книги по обучению чтению, грамматике, хрестоматии нравственно-воспитательных текстов, обладающей художественной ценностью, достиг высшей точки своего развития, после чего начал постепенно исчезать. Его содержание распределилось между детским букварем, обучающим чтению, грамматикой, практической риторикой и катехизисом.

Знаменитый букварь «Родное слово для детей младшего возраста» Константина Дмитриевича Ушинского, опубликованный в 1864 г., выдержал 147 переизданий. Имея цель, казалось бы, далекую для понимания младшего школьника – подготовить к изучению грамматики как науки, Ушинский разрабатывал упражнения в занимательной, часто игровой форме, использовал фольклорные тексты. Обучение грамотному письму и чтению педагог построил,

отталкиваясь от фонематической структуры русской орфографии: сначала ребенок изучал гласные звуки, потом знакомился с согласными на основе выделения их из слова, в котором все звуки, кроме изучаемого в данный момент, были ему знакомы; вслед за этим вводился алфавит полным списком, и только потом нужно было учиться писать буквы и читать написанное.

По композиции материала «Родное слово...» стало первым учебником, в котором, помимо образовательных задач, учитывались педагогические принципы; в наши дни его можно было бы назвать «учебно-методическим комплектом». Ушинский включил в издание несколько частей: Часть I – книгу для детей младшего возраста («Азбуку» с прописью и упражнениями для первого года обучения и первую после «Азбуки» книгу для чтения второго года обучения), и Часть II – тексты отечественных авторов для третьего года учебы совместно с методическим пособием для учителей и родителей «Руководство к преподаванию по „Родному слову“». «Руководство...» начиналось с представления учителю «Трех главных видов занятий по отечественному языку»: беседы с детьми, толкового чтения и заучивания наизусть литературных образцов, освоения грамматики.

Подчеркивая преемственность задач в объяснении устройства родного языка, Ушинский писал: «...мы можем считать доказанным, что не только бессознательный навык [грамматики], но и изложение грамматических понятий и правил должны найти себе место в младших классах, предварительно пред изучением грамматики по учебникам, подобным учебникам гг. Буслаева и Поливанова...». Таким образом, отсылая к пособиям по исторической грамматике родного языка, Ушинский изначально, еще на этапе обучения навыкам письменной речи и чтению в младшем возрасте, закладывал основы гуманитарной эрудиции личности, формировал чувство развитого национального самосознания.

Заключение

Букварь имеет чрезвычайно важное значение в воспитании человека – он и сегодня зачастую остается первой книгой, которую маленький ребенок

начинает самостоятельно изучать. При обучении чтению и письму происходит трансформация чувства родного языка: подъем на новую, более сложную, высокую ступень личностного развития, ведь именно занятия со словами и текстами позволяют ясно и окончательно идентифицировать принадлежность гражданина к собственному национальному континууму.

Литература

1. Агаджанов, В.В. (2010) Создатели первых учебных книг для начального обучения грамоте – букварей и азбук XVI – первой четверти XVIII вв. *Проблемы современного образования*, 2010, 2, 50-76.
2. Мечковская, Н.Б. (1990) Общеобразовательный характер азбук и букварей в восточнославянской традиции XVI-XVII вв. *Проблемы школьного учебника*, 1990, 19, 126-142.
3. Мошкова, Л.В. (2014) Восточнославянские буквари XVI в. *Проблемы современного образования*, 2014, 4, 41-43.
4. Успенский, Б.А. (1997) Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты). *Idem, Избранные труды, 3: Общее и славянское языкознание*. М., 246-288.